

ПРИРОДА

№4, 2005 г.

© Бородин П.М.

Первая любовь Чарльза Дарвина

П.М.Бородин,
доктор биологических наук
Институт цитологии и генетики СО РАН
Новосибирск

Здесь речь пойдет не о геологии и даже не о собирании жуков и раковин. Я хочу рассказать вам о первой любви Чарльза Дарвина в самом прямом смысле этого слова.

Вы не поверите, но Чарльз Дарвин не всегда был велик, мудр, лыс и бородат.

Было время, когда он был маленьким и очень одиноким мальчиком. Ему было всего (или уже!) 8 лет, когда умерла его мать, и странно, он почти ничего не мог *"вспомнить о ней, кроме кровати, на которой она умерла, ее черного бархатного платья и ее рабочего столика какого-то необычайного устройства"*. Он остался в холодном большом доме, где, по-видимому, все - и отец, и сестры - очень его любили. Но любили в стиле того неласкового времени и той, мягко говоря, скупой на эмоции страны. Его мало жалели и много воспитывали. Он вспоминал, как, входя в комнату, где находилась его сестра, всегда спрашивал себя: *"А за что она сейчас начнет порицать меня?"*

Потом этого неуверенного в себе, робкого мальчика отдали в школу. И там он был одинок. Он пытался получить хоть немного любви и одобрения, которых ему так не хватало дома. Иногда и не вполне честными средствами:

"Помню, будучи еще очень маленьким мальчиком, я воровал яблоки в саду, чтобы снабжать ими нескольких мальчиков и молодых людей, живших в коттедже по соседству, но прежде чем отдать им краденые плоды, я хвастливо показывал им, как быстро я умею бегать, и, как это ни удивительно, я совершенно не понимал того, что изумление и восторг по поводу моей способности быстро бегать они выражали с той только целью, чтобы получить яблоки. Но я хорошо помню, в какое восхищение приводило меня их заявление, что они никогда не видели мальчика, который бы так быстро бегал!"

И дома, и в школе его считали весьма заурядным мальчиком, "стоявшим в интеллектуальном отношении, пожалуй, даже ниже среднего уровня". Это ему, пятнадцатилетнему Дарвину, отец сказал: "Ты ни о чем не думаешь, кроме охоты, собак и ловли крыс; ты опозоришь себя и всю нашу семью!". Он помнил эти слова всю жизнь и вписал их в свою автобиографию, сопроводив, правда, таким разъяснением: "Но отец мой, добрейший в мире человек, память о котором мне бесконечно дорога, говоря это, был, вероятно, сердит на меня и не совсем справедлив".

А в нескольких милях от холодного дома Дарвинов (его звали Холмом - Маунд) находились две веселые усадьбы: Лес Оуэнов и Мэр Веджвудов. Официально усадьба Оуэнов называлась Вудхауз, но все звали ее Лес. Там-то как раз все жили охотой и собаками, не знаю уж, как там обстояло дело с ловлей крыс. Именно хозяин Леса Уильям Оуэн научил Дарвина стрелять. Не удивительно, что мальчика туда тянуло, и не только охота. Там был магнит поприятительней. В доме жили две юные девушки - Сара и Фанни Оуэн.

Ну вот, я и назвал имя первой любви Чарльза Дарвина.

Фанни Оуэн.

Что известно об этой загадочной девушке, и зачем нам знать о ней? Что это добавит к пониманию личности Дарвина? Разве что снимет бороду с портрета. Впрочем, и этого достаточно.

Как начался их роман? Наверное, как и все романы: *"Глаза их встретились, и они, КОНЕЧНО ЖЕ, сразу полюбили друг друга"*. Не думаю, однако, что они признались в этой любви друг другу, да и самим себе. Тогда это было не принято.

Откуда мы вообще знаем, что эта любовь была? Ни одного письма Дарвина к Фанни не сохранилось. Похоже, она их сжигала по прочтении. Но ее письма он всю жизнь хранил. Не то чтобы он хранил все письма тех времен. Только от своих сестер и от Фанни Оуэн. Значит, ему были очень дороги эти письма. А что у нас есть кроме них?

Несколько слов в письмах юного Дарвина к его другу.

"Конечно, твоя табакерка очень ценная, но моя - подарок мамы Оуэна, а он - отец Фанни Оуэн, а Фанни, как известно всему миру, самое прелестное, самое пухленькое и самое очаровательное создание во всем Шропшире, да и Бирмингеме тоже".

"Я еду на неделю в Вудхауз. Для меня это рай, о котором я, как всякий добрый мусульманин, всегда думаю. Однако черноглазые гурии существуют не только в голове Магомета, но в крови и плоти... Оуэны из Вудхауза - кумиры моего поклонения. Но если я начну говорить о Вудхаузе и la bella Фанни, я никогда не закончу этого письма".

Воспоминания дочери Дарвина Генриетты.

"Он, очевидно, был очень привязан к Фанни Оуэн. Он рассказывал мне, как очаровательно она выглядела, когда требовала, чтобы ей дали выстрелить из ружья. Как она даже не вскрикнула от отдачи, которая оставила огромный синяк на ее плече. Я тогда была совсем ребенком, но я до сих пор помню выражение его лица".

Письмо сестры Дарвина к его кузине и будущей жене Эмме Веджвуд:

"Фанни Оуэн была царицей бала. Да и неудивительно, я никогда не видела более очаровательной девушки, чем она".

Однако все эти письма и воспоминания относятся к более позднему периоду, когда Чарльзу Дарвину и Фанни было около 20 лет. А познакомились они, видимо, почти детьми, и, скорее всего, в Мэре - усадьбе Джозайи Веджвуда, дяди Дарвина. Того самого дяди Джоза, который потом сыграл решающую роль в жизни Дарвина, убедив его отца, что путешествие натуралистом на "Бигле" не такая уж дурацкая затея, как тому поначалу показалось. Именно к Веджвудам убежал Дарвин из своего холодного дома.

Вот как он вспоминал эти побеги уже в глубокой старости.

"Мои посещения Мэра были полны очарования. Жилось там очень привольно, местность позволяла совершать восхитительнейшие прогулки пешком или верхом, вечера проходили в исключительно приятных беседах, не носивших слишком личного характера, как это бывает обычно на больших семейных встречах, и перемежавшихся музыкой. Летом вся семья часто располагалась на ступенях старинного портика, перед которым в саду был разбит цветник; противоположный дому крутой, покрытый лесом берег отражался в озере, и то в одном, то в другом месте слышался всплеск воды, вызванный всплывшей вверх рыбой или коснувшейся поверхности воды птицей".

Не знаю, вспоминал ли Дарвин, когда писал эти строки, о земляничных полянах Мэра и Вудхауза. Почти уверен, что вспоминал. Его близкие их хорошо помнили. Осенью 1833 г. в Буэнос-Айресе, куда Дарвин вернулся из изнурительного похода по Патагонии, он получил письмо от сестры. Как странно, наверное, было ему читать под знойным небом Аргентины о том, что в Шропшире сейчас сезон земляники и *"Каролина Оуэн сказала, что всегда в это время она вспоминает тебя и Фанни, как вы обычно лежали на земляничных полянах и пили там часами"*.

У каждого человека, даже самого умного и печального, есть в памяти моменты, которые согревают всю остальную его жизнь, как июньское солнце. И это вовсе не минуты славы и триумфа, побед и бурных страстей, а вот такие земляничные поляны. За одно это скажем спасибо Фанни Оуэн, которая была тогда с Дарвином на земляничной поляне и вела там себя, по всем джейн-остинским понятиям, *"совершенно безобразно"*.

Это ее собственное признание. Мы уже достаточно услышали о Фанни Оуэн с чужих слов. Пора послушать ее саму.

"Мой дорогой Форейтор!" - так она адресует к Чарльзу Дарвину. А он в ответ зовет ее *Горничной*. (Если вас интересует почему, вспомните, каким глупым именем звала вас ваша собственная первая любовь. Вспомнили? Покраснели? Ну и зря, это ведь тоже согревает нашу жизнь, как июньское солнце, как земляничные поляны.)

"Мой дорогой Форейтор! Конечно же, ты посвящен во все черные таинственные события [подчеркивания здесь и далее Фанни Оуэн. - П.Б.], которые, я уверена, творятся в Лесу, я думаю, ты знаешь, что если у меня есть страсть, так это к исчерпывающему знанию таинственных событий, поэтому я

заклинаю тебя, пришли мне подробное описание всего, что происходило в последнее время между благородными домами Леса, Замка Блаженства и Дарвинова Холма, потому что я умираю, дюйм за дюймом, так мне хочется знать все, и поскольку твоя хорошо известная и достойная похвалы жажда полезных знаний, я уверена, всегда позволяла тебе держаться в курсе всех особенных событий, умоляю тебя, сядь и напиши мне все, избавь меня от моего чудовищного состояния ажитации...".

Бедная девочка уже безумно долго гостит у родни и ничего не знает о страшных тайнах родного Леса - кто в чем был, и кто с кем танцевал и сколько раз. Как жаль, что она не сохранила ответных писем Дарвина. Ужасно интересно было бы прочесть его [это уже мое подчеркивание. - П.Б.) описание этих страшных тайн.

И в постскриптуме - *"я слышала, ты почтил Лес своим присутствием, как жаль, что меня там не было, чтобы обставить тебя в карты или вести себя безобразно (make a beast of myself) на земляничных полянах".*

Чтобы понять, что она и ее современницы считали безобразным поведением, заглянем еще в одно ее письмо. В нем она упоминает миссис Бартон, видимо, шропширскую сестру грибоедовской княгини Марьи Алексевны.

"Я уверена, если бы мадам Бартон могла знать о моей переписке с м-ром Чарльзом Дарвином, она бы сказала, Боже мой, мэм, я не могу себе представить, какое же чувство приличия мисс Фанни Оуэн должна иметь в таком случае. Я и сама думаю, что это неправильно, но давай надеяться, что это никогда не достигнет ее ушей".

И постскриптум:

"Я должна послать это в хорошо запечатанном конверте, я точно знаю, что твои сестры подглядывают, и умоляю тебя, сделай тайну из этого, скажи им, что это что-то очень особенное".

Как видите, по тем временам уже сама переписка была *"безобразным поведением"*.

Но постараемся понять, чем были эти глупые письма для Дарвина, шестнадцатилетнего мальчика, который только что покинул, пусть и холодный, но родной дом и оказался в еще более холодном и прекрасном Эдинбурге. Это самый красивый город на Земле. И самый одинокий. Ни в одном другом городе вы не чувствуете так остро свое одиночество, как в Эдинбурге. Ну, разве еще в Санкт-Петербурге.

Днем мальчик слушал скучные лекции профессора Монро и смотрел его грязные и кровавые демонстрации. Всего год прошел с тех пор, как закончились похождения легендарных Хэа и Барке на ночных улицах Эдинбурга. Эти два приятеля решили, что продажа трупов медикам - занятие, конечно, выгодное, но уж больно грязное и хлопотное: идти на кладбище, раскапывать могилу; гораздо проще делать эти трупы своими руками. Вот они их и делали. Заманивали прохожего к себе домой, там его

удавливали и тащили еще тепленького к профессору Монро, благо он лишних вопросов не задавал.

По этим самым улицам возвращался шестнадцатилетний Дарвин в свою квартиру на Лотиан Стрит. Дома его ждали письма от сестер и от Фанни Оуэн. Но какие они были разные.

От сестер из Дарвинова Холма:

"Папа просил передать тебе кое-что, что, я боюсь, тебе не понравится. Он желает, чтобы я сказала тебе, что он вовсе не считает хорошим твой план выбирать лекции по вкусу, и поскольку ты не имеешь достаточно информации, чтобы знать, что тебе может пригодиться, для тебя весьма необходимо выполнять всю ту работу, которую ты считаешь глупой и сухой, и если ты не прекратишь потакать своим слабостям, твое обучение будет абсолютно бесполезным. Папа был очень огорчен, что ты подумываешь вернуться домой до конца курса лекций, но надеется, что ты этого не сделаешь".

"Кстати, Edinburgh пишется с h на конце, а altogether с одним l".

А вот от неподражаемой la bella Фанни из курортного Брайтона:
"В среду я была на очень веселом балу. Множество офицеров, которые, как ты говорил, должны быть очаровательными. Мне больше нравятся моряки.

Прости меня за эти каракули, ну что за перо у меня, и вообще мне никогда не следовало бы писать всего этого, но что делать, вот такая я Горничная, и поэтому, дорогой Форейтор, всегда твоя Ф.Оуэн.

Сожги это, как только прочтешь, или трепещи в ожидании моей ярости и мщения".

Дарвин все же оставляет Эдинбург и возвращается домой. Отец решает отправить его в Кембридж учиться на богослова. Ну что же, Кембридж так Кембридж, богословие так богословие. Все лучше, чем лекции профессора Монро и его операции на детях без наркоза.

Дарвин готовится к Кембриджу и ждет писем от Фанни. Он пишет ей в Брайтон и наконец получает ответ:

"Мой дорогой Чарльз, я никогда не испытывала такого ужаса, как вчера, когда получила твою короткую записку. Меня так заела совесть, что я даже не могла есть за завтраком, хотя горячий тост дымился так аппетитно на моей тарелке. Я горько упекаю себя за мою неблагодарность, за то, что так долго задержалась с излиянием моих чувств в ответ на твое восхитительное внимание.

Я была очень удивлена, когда Сара сказала мне, что ты решил стать доктором богословия вместо доктора медицины, ты никогда не посвящал меня в этот секрет.

Мы ведем здесь очень рассеянную жизнь, балы и вечеринки каждый вечер, что, как ты догадываешься, мне очень нравится. Но все подходит к концу, и скоро нас увезут во мглу Леса, далеко от Брайтона и всего его веселья.

Умоляю, расскажи мне какой-нибудь шрусберийский скандал, ты хорошо знаешь, что если у Горничной и есть к чему-то слабость, так это к тайнам. Я надеюсь, когда я вернусь, застаю тебя дома, и жду от тебя вагон и маленькую тележку черных тайн, так что молю, собирай все что можешь. Я такая глупая и сонная сегодня, что ничего не могу делать, кроме как дремать в кресле. Я уверена, ты скажешь, каким глупым, скучным созданием стала твоя Горничная, но не забывай - уже 1828 год и она на год старше - верь мне, мой дорогой Форейтор, я всегда и истинно твоя Фанни О."

А что в постскрипуме? Верно - все то же: "Сожги это".

А потом опять долгое молчание. И снова Дарвин шлет в Брайтон отчаянные письма. Она их сжигает, опасаясь зловещей тени миссис Бартон. Но, наконец-то, она цитирует Дарвина в своем ответном письме, и мы слышим его голос.

"Мой дорогой Форейтор, ты, должно быть, думаешь, что твоя Горничная абсолютно ужасно испорчена брайтонской атмосферой, если ты хоть на момент допустил, что она швырнула с негодованием твое милое письмо в огонь и намерена относиться к его автору с заслуженным презрением. - Истинная причина, почему я давно не послала тебе излияния моих чувств, в том, что ты сказал мне, что уедешь в Кембридж в конце месяца, сейчас, когда слово Кембридж звучит для меня пугающе, призрак миссис Бартон постоянно перед моими глазами, и кажется, он говорит: «Боже мой, мэм, вы не поверите, но мисс Фанни Оуэн переписывается с молодым человеком, мэм, из Университета». Этот жуткий фантом является мне так часто и так действует на мое разгоряченное воображение, что по зрелом размышлении я взяла за лучшее хранить молчание, и если Форейтор будет в ярости на мою неблагодарность, я все ему объясню, когда мы опять встретимся в Лесу. Теперь ты видишь, всему виной миссис Бартон, и я надеюсь, прощаешь свою бедную Горничную. ..."

Привыкший к неодобрению, он боялся, что и Фанни относится к нему "с заслуженным презрением", что она "с негодованием" бросает в огонь его письма. А ей было просто некогда: балы, визиты, счета от портних.

Дарвин уезжает в Кембридж и там, наконец, находит свое место: встречает людей, которые его понимают и любят таким, как он есть, а не стараются

сделать его таким, каким он должен быть. Он встречает профессоров Сэдживика и Хенслоу. Его долгие геологические и ботанические экскурсии, его охоту на жуков здесь воспринимают как важное и полезное дело, а не как блажь бездельника. У него появляются друзья, с которыми он весело проводит время.

Забавно читать его воспоминания о тех временах.

"Время, которое я провел в Кембридже, было всерьез потеряно, и даже хуже, чем потеряно. Моя страсть к ружейной стрельбе и охоте, а если это не удавалось осуществить, то - к прогулкам верхом по окрестностям, привела меня в кружок любителей спорта, среди которых было несколько молодых людей не очень высокой нравственности. По вечерам мы часто вместе обедали, хотя, надо сказать, на этих обедах нередко бывали люди более дельные; по временам мы порядочно выпивали, а затем весело пели и играли в карты. Знаю, что я должен стыдиться дней и вечеров, растраченных подобным образом, но некоторые из моих друзей были такие милые люди, а настроение наше бывало таким веселым, что я вспоминаю об этих временах с большим удовольствием".

Именно так: время потрачено зря, но как хорошо потрачено.

Их переписка с Фанни продолжается. Он посылает ей книги. Интересно, какие? Сам он тогда зачитывался путешествиями Гумбольдта по Южной Америке. Но ее больше интересовали триллеры тех времен, вроде "Тайн Замка Удольфо". Он посылает ей в подарок бабочку, которая, как пишет Фанни, *"абсолютно поразила мой слабый рассудок, в ней есть что-то очинь ниабычное [а как еще можно перевести wengy resoolier? - П.Б.]"*.

Наверное, он пишет ей о своей кембриджской жизни. Но ее занимает совсем другое - балы, визиты, она так занята, так устала, что пусть он не ждет от нее частых писем. И дальше о том, что без него она совсем разучилась играть в бильярд.

*"Почему ты не приехал домой на Рождество? Я так надеялась тебя увидеть, но полагаю, какое-то дорогое маленькое Насекомое из Кембриджа или Лондона не позволило тебе приехать. Я знаю, когда речь идет о насекомых, все остальные жалкие и ничтожные субъекты отходят на задний план. Вот если бы я написала тебе, что я обнаружила *Scrofulum morturiorum* [надо отдать должное чувству юмора этой ветреной красавицы - эту абракадабру можно перевести как золотушник похоронный. - П.Б.], тогда бы ты, может быть, и приехал".*

Но время идет, они взрослеют, и их детская любовь движется к печальному концу. Вот уже и Дарвин жалуется своему другу, что он не может писать длинных писем, *"даже Фанни Оуэн"*.

Вдруг он узнает, что готовится помолвка Фанни с одним из ее брайтоновских приятелей, с преподобным Джоном Хиллом. Казалось бы, все кончено. Но нет, вскоре до Дарвина доходят слухи, что помолвка расторгнута. А осенью 1831 г. он внезапно получает приглашение к путешествию на "Бигле".

И Чарльз, и Фанни понимают, что им предстоит долгая разлука, по крайней мере на два года.

Все решается очень быстро, и вот он уже должен уходить в свое кругосветное плавание, а Фанни, как всегда, нет дома. Она гостит у родни в Девоншире и оттуда пишет ему пронзительное прощальное письмо.

"Твоя сестра сказала мне, что ты хотел бы проститься со мной. Я не имела представления, что это случится так скоро. Я надеялась и даже была уверена, что успею вернуться домой и увидеться с тобой. Я не могу тебе выразить, как я разочарована и раздосадована, что это невозможно. Я и не думала в последний раз, когда я виделась с тобой в нашем бедном старом Лесу, что нам предстоит такая долгая разлука. Этот ужасный Девоншир, какая я была дура, что поехала сюда. Я бы отдала все на свете, чтобы увидеть тебя хоть разок до твоего отъезда, и Бог знает, что случится со всеми нами за эти два года. Судя по всему, мы должны стать старыми и остепениться - все эти приятные дни, вся радость, что была с нами в Лесу, все это уже не сможет вернуться никогда. Как хотела бы я быть там сейчас, чтобы хоть последний раз поговорить с тобой, - я не могу себе представить, что, в самом деле, ты совсем уезжаешь и я даже не попрощаюсь с тобой!! - Говорят, ты был в Плимуте 10 дней назад и я тоже была там, как очень-очень жаль, что мы не встретились".

Она спрашивает Дарвина о его дальних планах на жизнь, и затем вдруг следует очень странная фраза:

"и скажи мне еще, не надо ли мне присмотреть для тебя миленькую маленькую жену, с которой ты осядешь в своем Приходе по возвращении, скажи мне, что тебе нужно, а я уж присмотрю и прослежу до времени, когда она тебе понадобится - естественно, от нее потребуются глубокие знания Жучиноного племени".

Что это: свидетельство того, что любовь давно прошла, и Фанни по праву давней подружки действительно намерена присматривать жену для одинокого мореплавателя? Или намек на то, что она сама со временем может стать его "миленькой маленькой женой"?

И в конце, как всегда: *"Сожги это перед отплытием, во имя милосердия!"*

Потом было еще одно письмо, ответ на прощальную записку Дарвина. Письмо, в котором она пыталась развеять его печаль и тревогу.

"Ты спрашиваешь, что изменится до твоего возвращения, и надеешься, что я не совсем тебя забуду. Я не сомневаюсь, что ты найдешь меня в Лесу все той же, только

повзрослевшей и остепенившейся. Но какой бы я ни стала, что бы ни произошло со мной, я никогда не изменю своего отношения к тебе. Так что, мой милый Чарльз, не говори о том, что я тебя забуду!!! - те многие счастливые часы, что мы провели вместе с того времени, когда стали Форейтором и Горничной. Они не могут быть забыты - и хорошо бы никогда не кончились".

Они так и не встретились. В конце декабря 1831 г. Дарвин ушел в пятилетнее плавание на "Бигле". Прошло полгода. Солнечным утром 4 апреля 1832 г. "Бигль" с блеском (сначала убрав все паруса, а потом мгновенно подняв их вновь) вошел в бухту Гуанабара. В Рио-де-Жанейро Дарвина ждали письма: от профессора Хенслоу, сестры Катерины и Фанни Оуэн.

Которое из них он распечатал первым?

Письмо Катерины датировано февралем.

"Каролина провела 2 дня в Вудхаузе; она думала застать их всех там одних, но, к ее удивлению, войдя в комнаты, она обнаружила там м-ра Биддалфа. - Ты будешь поражен не меньше, чем потрясена была Каролина, когда Фанни увела ее в свою комнату и сказала, что обручилась с м-ром Биддалфом.

Я очень надеюсь, Чарли, ты не будешь очень горевать, хотя я боюсь, что твои пророчества о «замужествах» оправдались.

Ты можешь быть абсолютно уверен, что Фанни всегда будет так же расположенной и привязанной к тебе, как всегда, и так же будет рада тебя видеть вновь, хотя, я боюсь, это будет тебе слабым утешением, мой дорогой Чарльз".

Письмо от Фанни отправлено было в марте.

"Твои сестры сказали мне, что они написали тебе об ужасном и важном событии, которое вскоре здесь случится.

Моя судьба действительно решена и жребий брошен.

И, мой милый Чарльз, я абсолютно уверена, что во всем мире нет у меня друга более искренно озабоченного моим благополучием, чем ты, или такого, кто был бы более чем ты рад, что я имею все надежды на счастье в том уделе, что я выбрала.

Я знаю м-ра Биддалфа уже довольно давно и всегда считала его очень симпатичным и добросердечным.

Я бы все отдала, чтобы увидеться с тобой и поболтать, пока я еще Фанни Оуэн, но, увы, это невозможно".

Потом опять о том же,

"когда ты вернешься в свой Приход и тебе понадобится маленькая Жена, умоляю, поручи мне найти ее для тебя".

"Не сомневайся, когда вернешься, ты найдешь во мне все того же верного и искреннего друга, каким я всегда была для тебя с тех пор, когда мы были вместе Горничная и Форейтор. А теперь прощай, и Господь тебя благослови, мой очень дорогой Чарльз".

Вот так и закончился этот детский роман.

Он вернулся через 5 лет из своего кругосветного плавания, совсем взрослый и уже знаменитый, через пару лет он женился на доброй, умной и заботливой Эмме Веджвуд, с которой счастливо прожил всю оставшуюся долгую жизнь.

Она была очень несчастлива с *"симпатичным и добросердечным"* м-ром Биддалфом и его вздорной родней, долго и тяжело болела.

От него остались книги, перевернувшие мир, от нее - стопка писем с множеством подчеркиваний и неременной припиской *"Сожги немедленно"*.

Он их не сжег. Он бережно хранил ее письма всю оставшуюся жизнь.

Все письма, представленные в статье, переведены П.М.Бородиным.

Литература

Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера. Сочинения. М., 1959. Т.9.
С.166-242.

The Correspondence of Charles Darwin. V.1. 1821-1836 / Ed. *F.Burkhardt, S.Smith*. Cambridge,
1985.

Brent P. Charles Darwin. Feltham, 1981.

Desmond A., Moore J. Darwin: The Life of a Tormented Evolutionist. W.W.Norton and Company,
1994.

Март 2005